

Популяризация знакомит с некоторыми результатами и выводами наук, но не с самими их методами; овладеть серьезно какой-нибудь наукою, а тем более—с пользою работать в ней, нельзя на основе даже самых лучших популярных ее изложений.

Ни по широте распространения, ни по своему характеру „научная популяризация“ не представляет, в полном смысле слова, демократизации знания, а только ее подготовительную ступень. „Демократизируются“, т.-е. усваиваются широкими массами, знания общие элементарные; „популяризуются“ специализированные, которые, в силу своего более частного интереса, и воспринимаются лишь более узкими кругами этих масс: астрономия находит одних любителей, физика—других, биология—третьих, и т. д. Иначе и быть не может, потому что время для чтения у трудовых элементов общества ограниченное, а специальных популяризаций, при дороговизне современной науки, очень много.

Надо заметить, что популярные изложения почти или вовсе не дают понятия о действительном, организационном значении соответственных наук в жизни: ведь и в изложениях специально-научных, по которым работают популяризаторы, такого понимания обыкновенно нет, а господствует идея „чистого“ знания. Астроном-специалист вовсе не думает о том, что его наука регулирует всю нынешнюю трудовую жизнь человечества, руководя ориентировкой в пространстве и распределением времени; понятно, что и популяризатор не может объяснить этого; а читатель, которому изображают астрономию, как науку о небесных вещах, станет знакомиться с нею лишь в том случае, если чувствует влечение к небесным вещам.

С развитием и усложнением жизни, те или иные из числа специальных наук приобретают новое, возрастающее значение для массы индивидуальных хозяйств; напр., знания государственно-правовые—по мере усиления политической борьбы в обществе, гигиена—по мере роста больших городов с их скученностью населения, угрожаю-

щей его здоровью многими опасностями, порождающей эпидемии, и т. под. Тогда эти знания из области собственно „популяризации“ начинают переходить в область настоящей демократизации, широко распространяются, иногда начинают преподаваться в народных школах.

— Как влияет на демократизацию знаний классовое строение общества?

— Двояким образом. Во-1), как мы уже видели, высшее научное знание, которое есть продукт трудового опыта всего общества, превращается в экономическую привилегию высших классов, тех же, которыми присваивается и материальный продукт общественного труда. В этом нет ничего удивительного: организация общества одна и та же в идейной и в практической области.—Во-2), сама демократизация знаний делается орудием закрепления, упрочения классового господства, потому что ею руководят те же высшие, имущие классы. При посредстве государственного механизма они определяют программу народной школы, понятно—в строгом соответствии с основами современного строя и вообще со своими классовыми потребностями. При посредстве своих ученых и писателей они ведут популяризацию знаний, разумеется, в том же смысле и направлении, при чем еще контролируют и регулируют ее через то же государство.

f) Развитие искусства.

— Чем характеризуется при капитализме жизнь искусства?

— Во-1), с количественной стороны—гигантской производительностью: ни одна из прежних эпох не создавала такой массы художественных продуктов.

Во-2), с организационной стороны,—сильной специализацией, в роде той, какая господствует в науках, хотя все-же меньшей.

В-3), со стороны содержания — тем, что искусство отражает классовое строение общества, приспособляясь к потребностям определенных классов, по преимуществу, конечно, тех, которые господствуют в жизни.

— Порождает ли специализация в искусстве те же результаты, что и в науке?

— В значительной мере — да; но не вполне. Профессиональная ограниченность развивается и у художников-специалистов, — однако не до такой степени, как у людей науки: искусство менее способно отрываться от реальной практики, прежде всего потому, что оперирует над живыми образами, а не над понятиями.

Художественная техника в большинстве отраслей требует долгого специального изучения, — поэтому, как и специализированная наука, доступна немногим, имеющим достаточные средства. Здесь, опять-таки, исключений сравнительно больше, особенно, напр., в области поэзии, беллетристики, где орудия несложны, а технические приемы могут быть усвоены самостоятельно, путем чтения и упражнения в работе. Все же и тут неравенство условий для представителей высших и низших классов остается огромное: первые, благодаря досугу и возможности работать со всеми удобствами, получая без труда все материалы, выбирая всюду лучшее, а также, если надо, находя и опытных руководителей, могут с успехом развивать свои, хотя бы крошечные, дарования; вторые во всей обстановке встречают препятствия и трудности, имеют мало свободного времени, тратят массу сил на борьбу за жизнь, и преодолевают все это лишь при особенной глубине призвания или силе таланта.

Таким образом, экономический аристократизм искусства, в общем, неизбежен, поскольку дело касается самого творчества. Но в том, что касается пользования продуктами этого творчества, демократизма на деле гораздо больше. В качестве товара, продукты эти тяготеют к массам, где сбыт и наиболее, в конце концов, крупный, и наиболее устойчивый. Успех романа, поэмы не-

посредственно может измеряться количеством проданных экземпляров, и понижение цен обычно в интересах как авторов, так и стоящих над ними капиталистов-издателей. Картина, статуя тем больше повышаются в цене, чем больше публики ими восхищаются, и также нередко получают массовое распространение в дешевых копиях при помощи печати, фотографии, и т. под. Популяризация искусства, организуемая государством, местными самоуправлениями, частными лицами, в виде художественных музеев, картинных галлерей, выставок и т. д., гораздо более успешно и широко достигает своей цели, чем популяризация науки в научных музеях, публичных курсах и пр. Театр же и музыка считаются по преимуществу „популярными удовольствиями“.

— В чем проявляется классовый характер искусства при капитализме?

— Во-1), в том, что художник смотрит на жизнь глазами определенного класса и с этой точки зрения изображает ее; во-2), в том, что художник, сознательно или бессознательно, подчиняется интересам определенного класса, и они направляют его работу, в выборе предмета, в тех результатах и выгодах, к которым он приходит.

Предположим, что художник, будучи членом менового общества и, следовательно, мысля по законам отвлеченного фетишизма, хочет выразить в своих произведениях „чистую красоту“, для чего и ищет ее в природе, в людях. Но „красота“ вовсе не одна и та же, напр., для не-трудовых и для трудовых классов. Все, что в человеке или во внешней среде напоминает о длительных физических усилиях, о напряженном труде, аристократу или капиталисту кажется грубым, непоэтичным, неизящным; для него красивы маленькие руки, маленькие ноги, тонкая женская талия,—все признаки праздной жизни целого ряда поколений; среди душевных свойств он находит поэтичными такие, как гордое сознание своего „благородного происхождения“ или своей власти над множеством

людей, над их судьбою, — как пренебрежение к массам, к простому народу, к его „мелким“ материальным интересам. Все это совершенно иначе для крестьянина, ремесленника, рабочего, если он не успел, как это часто бывает, пропитаться понятиями и чувствами, которые внушаются ему всей культурой высших классов. Для него понятие „красивого“ естественно связывается с признаками, говорящими о трудоспособности и выносливости; благородная гордость, презрение к черни кажутся ему грубым и неэстетичным высокомерием.

Но и у разных трудовых классов эстетика различная. Напр., для рабочего, живущего в городе с его сложными отношениями, с его напряженной борьбой общественных сил, чрезвычайно важным элементом красоты лица является выражение сознательности, боевого протеста; для крестьянина в деревне, с ее узкой и простой жизнью, оно было бы непонятным и вызывало бы смутное беспокойство, — тогда как рабочему наивное лицо крестьянской девушки часто может казаться недостаточно умным. — Так вообще каждый класс видит иными глазами, чем другой класс; а художник комбинирует и выражает то, что видит.

Сюда присоединяется влияние классовых интересов. Когда, напр., Шекспир изображает восставших крестьян XIV века глупыми дикарями, или римских граждан эпохи Цезаря — стадом, которое идет за всяким ловким демагогом, то, при несомненной искренности Шекспира, нельзя не заметить здесь влияния аристократической среды, в которой он вращался: в крестьянах и в их борьбе против зарождавшихся крепостных отношений, в римских демократах он находит именно то, что желательно найти для сторонника аристократических привилегий. Тем менее мог бы отвлечься от классовых пристрастий и симпатий художник менее глубокий и объективный в своих наблюдениях жизни.

Следовательно, художник определенного класса смотрит на мир как бы через двойные очки: во-1), привычные классовые способы мышления; во-2), классовые интересы

и стремления. Те же очки он надевает и своей публике посредством своих произведений,—воспитывает ее в духе своей классовой культуры.

В современной общественной борьбе эта роль искусства огромна; и поскольку оно в руках господствующих классов, оно—очень важная консервативная сила.

g) Право, нравственность.

— Чем характеризуется развитие нравственных и правовых норм при капитализме?

— Помимо проникающего их отвлеченного фетишизма и гигантского количества, в котором порождает их усложнение жизни с ее противоречиями, здесь выступают, притом наиболее резко и очевидно, классовые их различия. Каждый класс вырабатывает, сообразно своим понятиям и интересам, такие нормы, которые наилучшим образом устраивали бы его существование, и считает их наиболее „справедливыми“. Класс господствующий имеет возможность свои нормы сделать обязательными для общества и проводить их в жизнь через государство, с его судебными и другими учреждениями, а также через свое реально-влиятельное общественное мнение. Классы подчиненные лишены этой возможности; их нормы обладают силою только в их собственной среде, и то лишь отчасти, благодаря их общественному мнению; а вообще остаются не более, как „нравственными и правовыми представлениями“ или учениями, теориями.

Так, во Франции XVIII века, когда там уже развивались мануфактуры, господствовала все еще помещичья аристократия, а буржуазия была классом ей подвластным. Законы устанавливались государством,—оно имело форму неограниченной монархии,—в соответствии с желаниями и выгодами дворянства. За ним закреплялись привилегии: изъятия от налогов, власть над крестьянами, исключи-

тельные права в государственной службе, военной и всякой иной; за другими классами оставались главным образом повинности и обязанности; если же им давались и некоторые права, то именно постольку, поскольку правящее сословие находило это в своих интересах, потому ли, что интересы случайно совпадали, или потому, что казалось неудобным чрезмерно обременять и раздражать низшие классы, толкая их тем на борьбу.

Буржуазия вырабатывала тем временем не только свою науку, философию, искусство, но также свои социальные нормы,—свою мораль и право. Но осуществлять их в общественной практике она не могла, обязанности реальной они не имели: это были только „идеи“ или „принципы“. Они были теоретически выражены в системе „естественных прав человека“, в учении о том, что человеческая личность по самой своей природе обладает известной суммой прав, образующих ее „индивидуальную свободу“, и что всякое посягательство на эти права, откуда бы оно ни происходило, является незаконным насилием. Такими прирожденными, неотъемлемыми правами признавалась свобода хозяйственной деятельности, свобода политических и философских или религиозных убеждений, возможность их беспрепятственно высказывать, равенство граждан перед законами без различия сословий, решение самими гражданами вопросов о налагаемых на них обязанностях, податях, и т. под. Всего этого требовала, по тогдашним буржуазным понятиям, абсолютная справедливость: отвлеченно-фетишистическая форма, в которой для буржуазии, а за нею и для ниже стоявших классов представлялись необходимые организационные условия жизни и развития.

Когда же буржуазия настолько организовала свои силы, что смогла выполнить революцию, тогда ее выработанная система права и морали из области классовых стремлений перешла в область широкой, обязательной для всего общества практики, воплотившись в новом законодательстве и государственном управлении, а также в новом „обще-

ственном мнении“, где руководящую роль стали играть буржуазные слои. Напротив, старые права и привилегии дворянства превратились в простые пожелания и мечты реакционеров, а их феодальные права могли с тех пор сохраняться лишь в их собственных кругах, и то постольку, поскольку не сталкивались с новым правовым строем.

— Был ли новый правовой строй точным воплощением той системы „естественных“ норм, которую буржуазия признавала идеалом в эпоху своего угнетенного положения, своей борьбы за господство?

— Далеко не вполне. Повсюду, где буржуазия, вместе с низшими классами, побеждала старый порядок, немедленно обнаруживались противоречия между ее и их интересами. Так, вместо „равенства всех перед законом“, ведущего ко всеобщему избирательному праву, она стремилась установить разные правовые привилегии для капитала, и в частности—имущественный ценз избирателей. „Свободу“ она истолковывала таким образом, что еще на первых этапах французской революции строго запретила, законом Шапелле, рабочие союзы и сообщества, как „стеснение индивидуальной свободы“ договора между работником и работодателем. К женщинам идея „естественных прав человека“, и в частности—равенства с мужчинами перед законом, почти нигде не применялась. Соед. Штаты, при своей борьбе за отделение от Англии впервые выработавшие политическую декларацию „естественных прав“, сохранили у себя рабство негров, и т. под.

Правда, в дальнейшем принципы „естественных прав“ шаг за шагом осуществлялись, но уже борьбою широких масс, демократических и рабочих, против буржуазии, прежней носительнице этих принципов. По мере того, как она отходит от производства, передавая организаторскую функцию в нем наемным служащим, ее имущественная сила оказывается все более недостаточной, чтобы противостоять политическим усилиям этих произ-

водительных классов, и государство демократизируется, система правовых норм и морального общественного мнения приближается к старым либеральным идеалам.

— Доходит ли на деле где-нибудь до конца их осуществление?

— Нет, нигде. Этому помешало развитие нового класса, создавшее новые, более прогрессивные идеологии: выступление пролетариата, с его коллективизмом, с борьбою против самых основ буржуазного строя и буржуазной культуры.

Пролетариат вначале, пока он культурно не отделялся от остальной демократической массы, — крестьянства, ремесленников, низшей интеллигенции, — был одною из тех сил, которые вынуждали буржуазию отказываться от правовых привилегий, довольствоваться экономическим способом господства, т.-е. властью капитала, и которые таким образом на деле проводили в жизнь идеалы настоящего либерализма. Но когда пролетариат обнаружил свои особые организованные стремления, стал вырабатывать свою собственную культуру, их выражающую, стал бороться за переустройство общества сообразно с нею, — то он вызвал тем самым двойное отклонение от прежнего пути развития общественных форм.

С одной стороны, поскольку ему удавалось добиться для себя уступок, они в значительной мере разрушали основной из принципов старого „естественного права“, именно экономическую свободу. Экономическая свобода, равная для капиталиста и рабочего, при крайнем неравенстве их материального положения, означает свободу эксплуатации капиталистом рабочего; и когда рабочие борются, напр., за ограничение законом рабочего дня или за обязательное ограждение машин, они ставят своей целью ограничение этой свободы.

С другой стороны, буржуазия, по мере усиления организованности пролетариата и углубления его противоречий с буржуазным строем, ищет сама новых способов защиты своего господства, и сама старается

ограничить гражданскую, т.-е., политическую и идейную свободу. Для этого она заключает союз с остатками аристократии и сообща с ней борется за принцип „твердой власти“, за укрепление авторитета в обществе, т.-е. за организационные формы, противоположные „естественно-правовым“, или либеральным, в точном смысле этого слова. Это—идеологический поворот буржуазии от прогресса к реакции. В наше время он происходит во всех странах развитого капитализма, принимая разнообразные и сложные формы, не ограничиваясь областью политической жизни, а переходя и на другие идеологии.

Самые типичные из этих форм—национализм и клерикализм буржуазии.

Национализм состоит в том, что буржуазия старается вызвать в массах племенную и расовую вражду, чтобы борьбою национальностей заменить борьбу классов. Развивая в народе страх перед военной силою других государств и жажду захвата новых территорий, господствующие классы пользуются тем и другим, чтобы усиливать милитаризм. Это представляет для них, помимо того, что огромные армии нужны им для завоевания и удержания за собою внешних рынков, еще двойное преимущество: во-1), армия есть строго авторитарная организация, школа слепого подчинения; и через эту школу проводится большинство молодых людей низших классов; во-2), армия—гигантская механическая сила в руках буржуазии, с успехом применяемая в тех случаях, где экономическая и политическая классовая борьба принимает оборот, неблагоприятный для буржуазных интересов.

Развивая же, в пределах одного государства, враждебные чувства и столкновения между разными живущими в нем национальностями, буржуазия не только отвлекает силы и мышление масс от классовой борьбы, но кроме того получает поводы для усмирений, подавляющих, иногда надолго, политическую и идейную активность низов, и для разных правовых ограничений, систематически стесняющих эту активность.

Клерикализм, идущий обыкновенно рука об руку с национализмом, есть не что иное, как стремление под-держать или воскресить в массах авторитарное религиоз-ное сознание вместе с его практическими выводами—по-корностью и смирением, исключаящими классовую борьбу. Клерикальные организации бывают, большей частью, не только идейными, но еще в большей мере практическими, и нередко экономическими: клерикальные партии разных стран, вероисповедные, профессиональные союзы, коопе-ративы, и т. под. В области правовых норм эти органи-зации проводят разные стеснения идейной и вообще граж-данской свободы, опираясь на освящение сословного и классового неравенства, нераздельное с авторитарной сущ-ностью религий.

Культурный поворот буржуазных классов от индиви-дуализма к авторитету знаменует начало упадка индиви-дуалистических идеологий.

h) Кризис буржуазных идеологий в мировой войне.

— Что такое мировая война?

— Это по существу экономический, протекающий в форме войны кризис, порожденный развитием новей-шего капитализма.

— Какими чертами новейшего капитализма обусловлено происхождение этого кризиса?

— Новейший капитализм характеризуется прежде всего развитием системы рыночных монополий. В этом основной смысл организации синдикатов, трестов, а затем финансовых концернов—гигантских срастаний кредитного и промышленного капитала. Каждая такая группировка предприятий подчиняет себе некоторую долю мирового или, по крайней мере, национального рынка и стремится расширить ее новыми захватами.

Колоссальная сила новых объединений капитала опре-деляет их особенную роль в капиталистическом государ-

стве. Оно есть вообще организация господства классов собственников над классами трудовыми. Руководящее положение в этой организации заняли повсюду группы финансистов, стоящие во главе синдикатов, трестов и концернов. Могущество многомиллиардного капитала, находящегося в распоряжении этого ничтожного меньшинства буржуазных классов, дало им возможность по своему желанию направлять политику государства, внутреннюю и внешнюю.

Далее, новейший капитализм в своем развитии привел к полному фактическому разделу мирового рынка между финансовыми гигантами.

Раз все захвачено монополистами, каждый из них может расширить свою сферу только за счет других; и тот, кто потерял хотя бы малую часть своих позиций, подвергается величайшей опасности погибнуть, потому что он стал еще слабее, а враги—сильнее. Отсюда—крайнее обострение борьбы между этими организациями, далеко превосходящее остроту прежней широкой конкуренции множества самостоятельных предприятий.

Наконец, на почве обострения борьбы за мировой рынок—чудовищное развитие милитаризма, миллионные армии, миллиардные военные бюджеты. Национальный капитал каждой страны, руководимый финансовыми объединениями, ковал оружие против национальных капиталов других стран в невиданном масштабе; и этот процесс еще ускорялся благодаря тому, что сам милитаризм доставляет огромный дополнительный рынок своим спросом на разнообразнейшие продукты, особенно на продукты руководящих при новейшем капитализме „тяжелых индустрий“—горных, металлургических, металлообрабатывающих. В таких условиях и прогресс техники истребления шел еще быстрее, чем прогресс техники производства.

— Каким образом эти условия новейшего капитализма могли породить мировой военный кризис?

Кризисы социальной жизни, это—процессы ее реорганизации; они происходят при нарушенном равновесии общественных сил, от чего и зависит их стремительное течение. Так, Великая революция была глубокою перестройкой французского общества. Нарушение же равновесия, ее вызвавшее, состояло в том, что сила буржуазии, прогрессивно развиваясь, переросла силу феодальных сословий, которые до тех пор, господствуя, сдерживали и подавляли ее. В других революциях дело шло о соотношении сил иных классов и групп, но изменявшихся по такому же типу. Войны между народами, долго жившими в мирном экономическом обмене между собою, обуславливались нарушением равновесия между силами связи, вытекавшими из взаимности интересов в этом обмене, и силами давления, происходившими из противоречия интересов. Эти силы давления в феодальную эпоху сводились, главным образом, к земельной тесноте вследствие роста населения, так что тогдашние войны были борьбою за землю; при капитализме основа сил давления—рыночная теснота, создаваемая ростом конкуренции; и войны этой эпохи—борьба за рынки.

Мировая война вызвана подобным же нарушением равновесия, лишь в мировом масштабе. Силы экономической связи между государствами возрастали в ряду мирных десятилетий, вместе с развитием международного товарообмена, в котором поставщики-продавцы товаров так же нужны своим покупателям-клиентам, как и те им. Но при новейшем капитализме еще быстрее росли повсюду силы давления. Основные экономические силы давления заключались в конкуренции национальных капиталов из-за мирового рынка; но сюда присоединились еще силы производные, милитаристические. Миллионные армии, в изобилии снабженные самыми совершенными средствами истребления, постоянно обучавшиеся и подготавливавшие к этому делу, не могли не оказывать, в свою очередь, влияния на общество, их создавшее. Из этих организаций, из их жизненного стремления активно

себя проявлять, исходили новые, могущественные силы давления. Присоединяясь к основным, экономическим, и так же быстро возрастаая, они вместе с ними перевесили, наконец, силы связи, и тогда наступил кризис,—разразилась война.

— Какие изменения в экономической организации капитализма вызвал этот кризис?

— Во-первых, почти весь капиталистический мир временно раскололся на два враждебные лагеря, являющиеся обособленными экономическими системами. Даже страны нейтральные вынуждены были примыкать экономически к той или другой стороне; и остатки меновых связей между обеими сторонами, сохранившиеся при посредстве нейтральных стран, свелись к относительно ничтожной величине.

Во-вторых, крайнее расточение производительных сил и продуктов труда обусловило во внутренней экономике воюющих стран, а за ними в разной мере и нейтральных, ряд приспособлений „государственного капитализма“. Его основу составляет регулирование государством потребления, ведущее затем к регулированию цен, сбыта и наконец самого производства. В сущности это не что иное, как частичное, но возрастающее внедрение потребительного коммунизма в прежнюю организацию. Карточная система, нормирование цен и сбыта есть прямое ограничение частной собственности на предметы потребления, ее принципиальная, хотя и не полная замена общественной собственностью на них. Государство в мирное время содержит армию в условиях потребительного коммунизма; в условиях мировой войны оно милитаризовало огромную часть населения, и тот же тип организации не только непосредственно охватил гораздо более широкую сферу, чем прежде, но в разной мере и степени распространился на все остальные области жизни. Потребительный коммунизм, вместе с вытекающим из него регулированием производства, насколько оно еще ведется, неизбежно устанавливается всегда в длительно

осажденных городах; а при мировой войне в такое положение попали обширные страны.

Организация милитаризма является строго авторитарной; таким же авторитарным оказалось, конечно, и регулирование экономической жизни в государственном капитализме. Специально рабочий класс был повсюду закрепощен „принудительной трудовой повинностью“, представляющей несколько ослабленную форму закрепощения солдат в армии.

— Какие последствия вызвала мировая война в сфере духовной культуры?

— Всякий подобный кризис, поскольку он сопровождается общественной реорганизацией, требует, очевидно, и соответственных перемен в идеологических организующих формах: разрушения некоторой доли старых, преобразования другой их доли, созидания еще иных новых; все это в тем более широких размерах, чем значительнее, чем глубже самая перестройка. Отсюда та кипучая идеологическая жизнь, которая характеризует эпохи великих социальных кризисов.

Это относится и к мировой войне. Даже в сфере идеологии она развернулась в настоящую катастрофу.

Глубокий и сложный переворот испытали как идеологии буржуазные, так и новая, порожденная капитализмом, но ему враждебная идеология пролетарская. Сейчас нам следует рассмотреть кризис буржуазных идеологий.

— Каковы наиболее яркие проявления этого кризиса?

— Во-1), крушение международного права.

Во-2), расцвет двойственной морали.

В-3), огромное усиление элементов авторитарности.

— Что такое международное право, и какими силами определяется его развитие?

— Международное право есть безличная организационная форма для взаимных отношений между государствами, как объединениями буржуазных классов разных стран. Оно устанавливается их договорами и регулирует

их взаимные интересы. Естественно, что, по мере развития международного обмена, этих интересов становилось все больше, и связь их делалась сложнее. Отсюда развитие и усложнение международного права. Оно развивалось вплоть до войны, дополнялось новыми постановлениями и учреждениями; еще незадолго до войны был основан международный трибунал в Гааге для третейского разбирательства спорных вопросов.

— Почему прежние войны не вызывали, а мировая война вызвала крушение международного права?

— Пока происходили только частные войны, разрывавшие связи лишь отдельных государств, оно могло оставаться в силе и даже до некоторой степени регулировать самое ведение этих войн. Оно, разумеется, в них нарушалось, и при том очень нередко: история европейско-китайской, англо-бурской войны, американской на Филиппинах, обеих балканских и других полны фактами грубых и варварских его нарушений. Но эти частные нарушения, хотя и касавшиеся нередко тысяч человеческих жизней, не мешали общему признанию международного права воюющими сторонами. И это вполне понятно: общая масса междугосударственных связей и интересов оставалась; подрывать все свои договоры и соглашения с нейтральными странами никакому воюющему государству не было бы выгодно.

Но когда начался мировой военный кризис, и разрыв связей произошел в мировом масштабе, положение радикально изменилось. Исчезло то единство международного рынка, для которого организующей формой являлось международное право.

Так как организующее существует для организуемого и им жизненно определяется, то естественно, что международное право перестало тоже существовать. Конвенции, обязательства, даже союзные договоры обратились в „кочки бумажки“, по выражению авторитетных государственных деятелей,—т.-е. в символы без реального содержания.

— Можно ли рассматривать прежние нарушения и последнее крушение международного права, как „преступления“ воюющих государств?

— Идеологи-националисты всех стран и оттенков для своих боевых целей часто смешивают международное право с тем правом, которое действует внутри каждого государства, и, клеймя „преступления“ враждебных государств, настойчиво требуют суда и наказания за них, намечая, конечно, наиболее выгодные для своей стороны формы и меры этих кар. С научной точки зрения между тем и другим правом есть коренное различие: одно из них функционирует внутри организованной системы — отдельного государства, другое — среди анархистского комплекса независимых государств. Понятия „преступление“, „суд“, „наказание“ заключают в себе идею принудительной силы, регулирующей отношения; внутри государства такая сила имеется; в анархической мировой их совокупности такой силы нет. Поэтому такие понятия к ней логически не применимы. „Наказание“ на деле может последовать; но оно будет определяться не тем, кто „прав“ с точки зрения „закона и справедливости“, а тем, кто сильнее, при чем у виновного и невиновного шансы претерпеть наказание равны.

Международное право действует, нарушается, разрушается именно постольку, поскольку оно организует или перестает организовывать реальные отношения и интересы. — Поскольку, мировые экономические связи капитализма восстанавливаются, постольку опять приобретают значение и силу соответственные формы: международное право воскресает, соглашения и договоры вновь становятся святы и нерушимы, с обычными практическими их нарушениями, — по крайней мере, до другого подобного кризиса.

— Что такое „двойственная мораль“, и как она проявляется в мировой войне?

— Сущность этой двойственной морали или „биморализма“ заключается в том, что однородные действия

вызывают нравственное осуждение, когда они совершаются враждебной стороной, и одобрение, когда совершаются своими. Так, напр., вступление Италии и Румынии в войну германская печать и общественное мнение клеймили, как предательство, выступление же Болгарии восхваляли, как акт рыцарской доблести. Меры против германцев в Англии характеризовались, как гнусное насилие; но самые энергичные меры против англичан в своей стране признавались делом высоко патриотическим. В России же и в союзных ей странах все это характеризовалось в таких же точно терминах, но применение их было прямо обратное. В военных корреспонденциях одновременно возводили с моральным негодованием на противников обвинение в добывании раненых, и в тех же корреспонденциях с полным сочувствием упоминали, что солдаты, в боевом порыве или справедливом гневе, не брали неприятелей в плен,—хотя под этим подразумевается и добывание раненых, и уничтожение бросивших оружие, т.-е. беззащитных людей. Разрушение неприятелями городов и селений рассматривали, как варварство, разгром же неприятельских городов и селений—как справедливое возмездие; между тем в обычной жизни понятие „справедливости“ не считается подходящим там, где виновны одни лица, а возмездие несут другие. Таких примеров можно было бы приводить без конца.

Впрочем, этот „биморализм“ существует, лишь не столь ярко проявляясь, и в мирное время, в национализме и других буржуазных и до-буржуазных идеологиях. Так, националисты, положим, Германии часто выражали негодование по поводу векового угнетения англичанами ирландцев, индусов и порицали англо-бурскую завоевательную войну; но подобное же угнетение эльзасцев и поляков в Германии одобряли, как высоко-нравственное дело преобладания низших народов к высшей культуре; английские националисты те же факты оценивали в противоположном смысле. Еще резче выступает биморализм в отношениях между классами, когда одинаковые действия опре-

деляются смотря по тому, от кого исходят, то как преступный бунт или злоупотребление силою, то как законное отстаивание священных прав, и т. под.

Тот же тип морального сознания вызывает осуждение и насмешку буржуазных идеологов, когда наблюдается у отсталых племен и народов. Тогда он обозначается, как „готтентотская мораль“, на основании формулировки, приписываемой одному готтентоту; „добро есть, когда я краду чужую жену, зло—когда у меня крадут жену“.

— Как возможна такая нелогичность у цивилизованных народов?

— Эта нелогичность сразу отпадает, если с морали снять оболочку фетишизма и понять ее социально-организационную сущность. Вполне естественно, что для обособленного и замыкающегося на своих исключительных интересах коллектива известные действия, для него организационно-полезные, получают одобрительную моральную характеристику, а такие же действия со стороны другого коллектива, оказываясь для первого организационно-вредными, морально отрицаются.

— Чем было вызвано усиление элементов авторитарности в общественных идеологиях за время мировой войны?

— Тем, что благодаря этой войне главная общественная функция перешла, и надолго, к армии, организации, построенной по авторитарному типу; армия сама разраслась в несколько раз, поглощая массу лучших сил общества, жизненно подчиняла себе, приспосабливая к своим потребностям все другие организации, производственные, политические, даже культурные. Она давала тон жизни общества, и, конечно, тон этот соответствовал ее авторитарному характеру.

— В чем выражается это усиление авторитарности?

— Оно выступает особенно наглядно в сфере политики и в области общего мировоззрения людей. Даже в наиболее передовых, наиболее демократичных из вою-

ющих стран их прежние индивидуалистические „свободы“ в наибольшей своей части перестали на практике действовать, уступая место административной диктатуре; не только обширные районы, связанные с фронтом, подчиняются дискреционной, т.-е. неограниченно-авторитарной военной власти, но ей же подпадают и наиболее важные функции общественной жизни всего тыла; а гражданская бюрократия тыла, разрывая прежние формальные рамки своей деятельности, усваивает приемы, навыки и точки зрения военных властей. Личность гражданина в передовых странах, подобно личности обывателя в отсталых, окружается патриархальной опекой во всех своих активных проявлениях, начиная с перемещения из города в город и кончая высказыванием мыслей в печати или даже в частной переписке.

Параллельно с этим наблюдается рост религиозности, ее распространение среди элементов общества, раньше к ней индифферентных или враждебных. Это специфически-авторитарное мироотношение получило местами новое, оригинальное развитие. Обострившееся националистическое настроение воскрешало идею национальных богов. Так, в некоторых приказах Вильгельма, выразителя тенденций весьма влиятельных среди новейшей Германии, в некоторых родственных этим приказам по духу рассуждениях шовинистов ученых с большой ясностью выступает мысль о германском национальном боге, вдохновляющем свой народ для борьбы с враждебными расами и дающем ему новые средства к этой борьбе, в виде щепелинов, удушливых газов и т. под. Такая роль божества, как активного союзника одной стороны, очевидно, предполагает аналогичную позицию других национальных богов, без наличия каковых с этой точки зрения нельзя было бы понять самую возможность борьбы, а тем более затяжной и колеблющейся. Разумеется, германские идеологи в этом случае, как и во многих других, лишь более решительно оформили общую тенденцию, свойственную военным идеологиям.

Обыкновенно возврат к религиозности в эпохи бедствий приписывают жажде утешения. Разумеется, авторитарные мировоззрения, основанные на слепой вере, гораздо легче могут давать желаемое утешение, чем всякие иные. Но это—суб'ективная сторона дела. Об'ективная же организационная роль этих мировоззрений, в смысле поддержания авторитарной дисциплины во всех ее видах, как среди армии, так и среди народных масс вообще, еще более социально важна и не менее очевидна.

— Не противоречат ли этому указания компетентных наблюдателей на то, что в одной из воюющих стран—в Англии—религиозность в годы войны стала заметно понижаться в массах населения?

— Там имелись особые условия, из которых возникла другая тенденция, как бы замаскировавшая первую.

Как выяснялось, идеология вообще консервативнее других сторон жизни, и отстает от них в своем развитии. Этот консерватизм и отставание тем значительнее, чем сильнее и постоянное процветание общества, класса, группы: тогда нет потребности в перемене организующих форм на новые, нет ударов и толчков, которые разрушали бы старые. Такое процветание выпало на долю Англии в гораздо большей мере, чем на долю других стран Европы. Одним из результатов было то, что религиозные элементы мировоззрения сохранялись в ее буржуазных классах, и даже вообще в ее населении, особенно упорно, без соответствия с ее высоким развитием капитализма, а с ним—индивидуализма,—сохранялись в большем количестве, чем в некоторых экономически значительно менее развитых странах. Имелся очень большой излишек авторитарно-религиозных элементов мышления сравнительно с тем количеством, какое соответствовало бы экономическому и техническому уровню общества.

Мировая война явилась могучим потрясением, которое подорвало вместе с благосостоянием английских народных масс идеологический их консерватизм. Разру-

шительно действуя на все стороны жизни общества, оно в первую очередь разрушало, естественно, как раз то, что уже раньше отжило и держалось только механически, не коренясь в созданных развитием условиях и потребностях жизни. Таким образом и был разрушен значительный излишек авторитарно-религиозных пережитков, перевесивший созидание вновь подобных же элементов силами войны на основе ее организации. Получился видимый парадокс—понижение религиозности, благодаря войне, в английских народных массах, рядом со значительным повышением ее на той же почве хотя бы в союзной с Англией, мало религиозной до тех пор Франции. Но это—парадокс того же рода, как разрушение в России авторитарного политического строя—самодержавия—революцией, вышедшей из той же войны, которая и в России первоначально и повела к росту авторитарности: отжившая задолго еще до войны политическая система не выдержала сокрушительных ее толчков и распалась.

— Если война ведет вообще к росту авторитарных отношений и усилению авторитарных идеологий, то не должна ли она также развивать тот специфический консерватизм, который присущ, как мы знаем, всякой авторитарности?

— Да, такая тенденция неизбежно при этом возникает. Она ведь зависит от того, что организаторскую деятельность при авторитарном сотрудничестве выполняет личность, а масштаб деятельности общественный,—организовать приходится жизнь некоторого коллектива: всякое изменение в технике, в строении, в идеях такой организации, вызывая, благодаря ее связности, ряд перестройки и перемен в самых различных ее частях и функциях, до крайности усложняет и затрудняет работу организатора, требует от его психики часто непосильной затраты энергии. При гигантских размерах и сложности авторитарных организаций, выступающих в мировой

войне, стремление к консерватизму должно оказываться тем сильнее.

Но война, как жестокий организационный кризис и как напряженная борьба коллективных сил, предъявляет требования, резко противоречащие этому консерватизму. Техническая прогрессивность и организационная гибкость тут являются вопросом жизни; сохранение устарелых методов и форм угрожает гибелью. Это противоречие внутренних „рутинных“ тенденций военно-авторитарного устройства с внешней необходимостью быстрого и точного приспособления наблюдалось за время войны во всех странах, давало себя чувствовать в поражающих ошибках и самых тяжелых крушениях, служило предметом бесчисленных жалоб и обличений. Всего же сильнее оно сказывалось, понятным образом, в наиболее авторитарной до-революционной России.

Как жизнь выходит из этого противоречия? Так, как она выходила из подобных же противоречий во все авторитарные эпохи: ценою громадного расточения сил, ценою массы страданий консерватизм все-таки преодолевается давлением необходимости; оно пробивает техническому и организационному прогрессу путь сквозь инертность и сопротивление системы. Назревшая потребность удовлетворяется,—конечно, с запозданием. Это запоздание при прочих равных условиях тем значительнее, чем глубже и полнее система проникнута авторитаризмом, чем примитивнее, архаичнее его формы.

— Могут ли изменения в идеологиях, порождаемые войною, сохраниться и после нее? И насколько прочными они тогда могут оказаться?

— Идеологические формы закрепляют, фиксируют текущие жизненные отношения. Поэтому они устойчивее этих отношений, и сохраняются еще тогда, когда уже исчезла их непосредственная реальная основа. Специфическая идеология военного времени должна, следовательно, пережить войну. И как всякий такой пережиток, она

должна оказаться в противоречии с потребностями мирного времени, стать препятствием к их удовлетворению.

Особенно это относится к авторитарному консерватизму. Возрождение системы производства, восстановление разрушенных производительных сил и экономических связей, перераспределение общественной энергии с переходом от истребительных задач к созидательным, — все это требует огромных усилий в смысле технической прогрессивности и организационной пластичности социального целого. Господствующие классы, и без того отличавшиеся большой консервативностью по отношению к социальным формам, очевидно, при усилении авторитарной стороны их идеологии еще менее склонны и способны к инициативе в таком направлении. Они не обнаруживали ее даже настолько, чтобы закончить войну, давно уже ставшую явно невыгодной и опасной для них самих. Поэтому, как и предвиделось, эта инициатива путем ряда революций и усиленной классовой борьбы, переходила к трудовым классам, не только инициатива после-военного строительства, но и самого окончания войны, как это было сделано революцией в России. Путем революций и обостренной классовой борьбы, должно будет ликвидироваться идеологическое наследство войны заодно с экономическим.

и) Переходный характер капиталистической культуры.

— Можно ли считать капитализм определенной общественной системой, в полном смысле этого слова?

— Нет, капитализм правильнее считать длительным и сложным переходным процессом, ведущим от одной определенной и однородно-построенной общественной организации к другой. Этот переходный характер обнаруживается в неоднородности его строения, экономи-

ческого и культурного, и в постоянно изменяющихся соотношениях его элементов.

— В чем заключается неоднородность экономического строения капитализма?

— Во-1), его производство, как целое, построено иначе, чем его части: отдельные предприятия планомерно организованы, вся же система не организована планомерно, в целом она анархична.

— Во-2), его производство разнородно с его присвоением: первое в самой основе коллективно, второе неизменно остается индивидуальным.

— В-3), капиталистическое общество распадается на классы, которые не представляют простых органов единого социального тела, взаимно дополняющих друг друга, как феодальные сословия, но организуются самостоятельно и отдельно, во взаимной борьбе.

— Сглаживаются или усиливаются эти проявления неоднородности?

— По мере развития капитализма они усиливаются. Возрастающий размах техники машинного производства, с вытекающим из него расширением сотрудничества, и концентрация капитала непрерывно повышают степень организованности и ее размеры в отдельных предприятиях; но неорганизованность целого сохраняется в полной мере, и борьба предприятий-гигантов на мировом рынке еще обостряется; индивидуальное же присвоение ценностей доводит до того, что в распоряжении отдельных личностей оказывается коллективный труд сотен тысяч людей и коллективный продукт миллионов работников. Основные классы общества не только не приспособляются один к другому, но превращаются во все более враждебные лагеря: каждый класс развивает свой тип организации, который он и стремится распространить на все общество путем окончательного подчинения, либо устранения другого класса.

— В чем состоит культурная неоднородность строения свойственная капитализму?

Во-1), будучи в основе индивидуалистической культура буржуазных классов неспособна, однако целостно и по всей линии провести принцип индивидуализма, а принуждена смешивать его с авторитарными способами мышления, потому что в самой практике эти классы не могут обойтись без авторитарного типа организаций.

Во-2), эта культура накопила гигантский, коллективно собранный или созданный материал научных знаний и произведений искусства. Но, как и само капиталистическое общество, эта масса идеологических продуктов организована лишь в отдельных своих частях и неорганизована в своем целом. Неорганизованность заключается, с одной стороны, в раз'единяющей специализации, благодаря которой разные отрасли науки, искусства живут обособленно и, независимо развивая свои методы, расходятся дальше и дальше. С другой стороны, став товаром, коллективный идеологический продукт присваивается каждым индивидуально, по мере его средств, и потому в своей наибольшей и наиболее совершенной части оказывается доступен лишь немногим; а этим с'уживается и стесняется самая возможность идеологического развития.

В-3), буржуазные идеологии, вначале охватывающие все капиталистическое общество, затем становятся все менее способными организовать жизнь растущего производительного класса—пролетариата, все более стеснительными и враждебными ее развитию; и затем на почве классовой борьбы они сами извращаются, поворачивают к прошлому, приходят в упадок.

Все эти условия неоднородности, анархичности и противоречий культуры капиталистической преодолеваются в идеологиях коллективизма.

Идеологии коллективизма.

а) Технические и экономические основы коллективизма.

— Где лежат технические условия, породившие коллективизм?

— В машинном производстве. Оно дало новый характер человеческому труду, развило новый тип сотрудничества между рабочими; а отсюда возникли и новые способы мышления.

— В чем заключается новый характер труда?

— При ручном труде инструмент приводится в действие прямым усилием работника, при машинном же — механизм. В первом случае, если инструментом сделано, положим, 10.000 движений, то это значит, что работник выполнил такое же число соответственных усилий; во втором — совершенно иначе: работник только управляет машиною, т. е. пускает ее в ход, контролирует и регулирует ее движение, исправляет нарушения хода, останавливает ее, когда надо. В первом случае вся механическая сторона труда лежит на работнике; при мануфактурном разделении операций часто только она на нем и остается: работник превращается в настоящую машину для определенных движений. Во втором случае именно эта сторона труда в значительной мере, — и чем дальше, тем больше, — снимается с работника; но взамен того вы-

ступают и получает преобладание другая—распорядительская сторона: человек распоряжается работою машины, согласно целям производства.

Иным становится все содержание труда. В мануфактуре оно сводилось к ряду физических усилий, выполняемых на основе пассивного подчинения руководящей воле предпринимателя или его надсмотрщика. При машине функция работника отнюдь не ограничивается подчинением и физическим усилием; главное место в ней занимают другие моменты: наблюдение, внимание, соображение, даже инициатива,—когда расстраивается что-нибудь в механизме.

Но что представляют эти моменты труда? Раньше они были свойственны специально работе организаторской. Роль организаторов производства во все времена заключалась в том, чтобы распоряжаться действиями исполнителей, контролировать, регулировать, направлять их при помощи наблюдения, внимания, соображения, инициативы; и все это мы находим здесь, только в отношении работника не к другим, подчиненным работникам или рабам, а к машине—„железному рабу“, лишенному жизни, но заменяющему многих живых. Следовательно, труд, оставаясь исполнительским, здесь получает содержание организаторского. И он приобретает такой характер тем в большей мере, чем выше тип устройства машины. При машинах несовершенных рабочий должен непосредственно дополнять грубые движения механизма своими, более сложными; при машинах автоматических он уже всецело „управляет“ механизмом.

Итак, новая форма труда есть исполнительско-организаторская, сливающая воедино черты двух его видов, прежде резко разделенных.

— Можно ли считать развитие этой новой формы уже теперь завершенным?

— Нет; даже в отраслях наиболее передовых по технике оно не доходит еще до конца; и не может дойти при капитализме. Оно, как мы видели, зависит от типа

машин, от их совершенства; но капиталистический строй не стремится, собственно, к совершенству машин, а считается только с их выгодностью для предпринимателей. Между тем далеко не всякое действительное усовершенствование выгодно для капиталиста.

Дело в том, что, нанимая рабочих, он оплачивает им только необходимое рабочее время, а прибавочное получает в свою пользу,—в этом и состоит сущность эксплуатации. Покупая же машину, которая заместит часть этих рабочих, он оплачивает другому капиталисту всю ее трудовую стоимость—и необходимое, и прибавочное рабочее время, которое на ее производство затрачено. Получается вот что.

Предположим, что сумма труда, идущая на производство машины,—10.000 раб. дней; и значит, если рабочий в день создает стоимость, выражаемую одним рублем, то денежная ценность машины—10.000 рублей. Пусть она до своего изнашивания сберегает всего 18.000 трудовых дней. Ясно, что это—машина весьма полезная для производства, потому что сберегает чистых 8.000 дней работы. Но стоит ли капиталисту вводить ее? Если необходимое рабочее время—половина рабочего дня, то нормальная заработная плата—половина рубля. Капиталист нанимает рабочих на 18.000 дней труда и платит им по 50 коп., всего 9.000 рублей. За машину же, их заменяющую, надо платить 10.000: явная невыгода.

Поэтому часто наиболее совершенные механизмы не могут теперь находить себе применения. Пока наивысший их тип, достигнутый притом в немногих отраслях, автоматический, где машина производит весь продукт с начала до конца. В тех отраслях, где труд наиболее сложен, капитализм, очевидно, и до этого типа не дойдет, потому что машины тогда потребовались бы слишком „дорогие“. Тип же еще более высокий, какой намечается наукою, останется вообще чуждым капитализму; это—механизмы автоматически регулирующиеся.

— В чем сущность этого типа, и как он намечается?

— Главная роль работника при машине—надзор и контроль над ее действием. Уже теперь в иных случаях некоторые части этих функций переходят от работника к разным регулирующим и предохранительным аппаратам, при чем выполняются, конечно, гораздо точнее и быстрее. К приспособлениям такого рода относятся „регуляторы“, напр., силы пара в котлах, силы тока, скорости машин и т. под.; затем автоматические сигнальные приборы, извещающие работника о необходимости его вмешательства; далее такие, которые останавливают машину при определенных нарушениях ее хода, и проч.

Когда машины доведены до ступени простого автоматизма, или хотя бы близкой к нему, то работников при них остается уже немного, и дальнейшее введение целого ряда приспособлений контрольных, сигнальных, вообще „регуляторов“, может дать лишь небольшую, сравнительно, экономию на рабочей силе, а обойтись должно недешево; для капиталиста нет мотивов к этому. Поэтому в современной промышленности настоящих, целостных механизмов этого типа не найти; примеры их можно пока указать только среди машин для истребления. В военном деле предприниматель—государство, и экономия на цене машин не так важна, как быстрота, точность и совершенство их разрушительного действия; там—высшие образцы современной техники. Такова Уайтхедовская торпеда, само-движущаяся пловучая мина для взрыва кораблей. Это машина не только автоматическая, но и сама регулирующая свой ход под водою: целый ряд гениально-тонких приборов заботливо следят за тем, чтобы она шла в точности по тому направлению и на той глубине, какие желательны для того, кто ее пустил; всякое случайное отклонение вверх или вниз, вправо или влево они тотчас же исправляют, до конца пути. Сложность аппарата огромна.

Автоматически-регулирующиеся механизмы для производства будут, разумеется, еще гораздо сложнее; и они

станут возможны только тогда, когда в экономике руководящей силой сделаются интересы производителей и производства, а не эксплуатации; другими словами — только при коллективистической организации.

— Какие изменения в характере труда должна вызвать эта высшая ступень научной техники?

— Дальнейшее сближение разных видов труда. При нынешнем машинном производстве сохраняется все же глубокое различие между работою „простого работника“ и инженера; первая только технически-сознательна, вторая же имеет научный характер; первая требует от человека общего понимания механизма, дисциплинированного внимания, толковости; вторая же — и оформленного, точного научно-технического знания.

При саморегулирующихся механизмах уровень „простой“ рабочей силы должен еще повыситься. Там работнику придется время от времени производить сопоставление данных, доставляемых разными регулирующими аппаратами, делать оценку совокупности этих данных, и с выводами, из нее вытекающими, сообразовать свое вмешательство в ход всего механизма. Очевидно, это будет настолько же инженер, насколько рабочий: слияние функций, теперь резко разделенных.

Если при этом и будет сохраняться роль инженера, — руководителя над группой работников, — то она не будет качественно отличаться от роли этих работников: „организатор“ тогда действует теми же методами, что „исполнители“, только над более широким материалом технических данных. Тип рабочей силы окажется один, различны лишь степени ее развития.

— Как изменится форма сотрудничества в зависимости от всего развития рабочей силы, порождаемого разными степенями машинной техники?

— Сотрудничество от разнородности шаг за шагом переходит к однородности.

В эпоху мануфактур капитализм довел специализацию до крайности. Работник превращался в машину для отдельной, часто мельчайшей, трудовой операции; все содержание труда сводилось для него к нескольким определенным движениям, в каждой специальности иным, особым. Что общего в булавочной мануфактуре между действиями работника, который тянет проволоку, и действиями другого, который ее перерезывает? Здесь разнородность труда полная, не меньше или даже больше, чем между разными ремесленниками. И рядом с этим—целая пропасть между работою таких машинообразных исполнителей и руководящих ими организаторов, функция которых всецело „духовная“.

Машинное производство прогрессивно ослабляет эту разнородность по обеим линиям. Специализация, собственно, остается: отрасли производства не смешиваются между собой, и в каждой имеются разные технические операции, выполняемые с помощью разных машин. Но все возрастающая доля разнородности работ переносится с людей на машины. Содержание труда работников даже при весьма несходных машинах становится сходным в главной и наибольшей своей части: функциях надзора за машиною, контроля, регулирования, соображения. А движения рук составляют все менее важную и значительную сторону этой работы, хотя она и называется попрежнему „физической“. Такая тенденция к однородности рабочей силы уже теперь весьма сильна, особенно в передовых отраслях производства.

Уменьшается затем, хотя и более медленно, степень другой разнородности—труда „умственного“ и труда „простого“, т. е. научно-организаторского и исполнительского. Мы видели, что исполнительская роль при машине принимает черты организаторской; в ней выступают на первый план усилия характера „интеллектуального“ или „духовного“, и возрастающая степень технической сознательности и общей интеллигентности работника становится основным ее условием. Дальнейшие же стадии ма-

шинной техники, — стадия автоматизма и затем автоматического регулирования машин, — повышая дальше и дальше уровень „простой“ рабочей силы, ведут, и в конце концов должны привести ее к настоящей однородности с рабочей силой научно-организаторской, „инженерской“.

Однородное, на сознательности основанное сотрудничество обозначается, как „товарищеское“. Машинное производство широко развивает его в рабочей среде; но на ряду с ним или, вернее, над ним остается и сотрудничество авторитарное, власть научно-организаторская. Благодаря этому, товарищеское сотрудничество в непосредственном рабочем процессе теперь еще не получает законченной формы, своего полного значения.

— Как следует представлять эту законченную форму?

— Она отличается тем, что в товарищеском коллективе все дела решаются сообща и сообща, насколько это надо, выполняются. На современной фабрике организаторы работ не принадлежат к товарищескому коллективу, и основные решения в делах производства принимаются без рабочих, роль которых тут сводится к подчинению; они образуют товарищеский коллектив исполнителей. Это — вынужденное ограничение, которое может быть устранено лишь изменением всего строя экономических отношений, и притом с поднятием рабочей силы на высший уровень, когда и организаторы войдут в товарищеский коллектив, как сотрудники, превосходящие других лишь по степени, а не по типу развития.

— Всегда ли и всюду рабочий коллектив при капитализме остается только коллективом исполнителей?

— Нет. В области классовой борьбы рабочие являются, конечно, самостоятельной стороной. Там у них складывается организация тоже товарищеская, потому что к этой форме сотрудничества их приучил процесс производства; и там им приходится не только исполнять, но и самим

решать, так что вырабатывается уже теперь более полная связь товарищества. Однако, надо иметь в виду, что вырабатывается она все-же не сразу. На первых ступенях классовой организации сильно сказываются привычки пассивного подчинения, в виде слабости инициативы массовых членов организации, недостаточного контроля над выборными товарищами-руководителями, слепого следования за отдельными выдвинувшимися вождями, и т. под. Самые условия классовой борьбы примешивают к дисциплине товарищеской элементы дисциплины авторитарной: необходимость централизованного единства действий и быстроты в решениях часто заставляют всех подчиняться указаниям немногих, без критики и обсуждения, по доверию к их компетентности.

Но по мере повышения сознательности рабочей силы эти остатки авторитарных отношений в рабочем классе частью отпадают, частью же, сохраняясь лишь в пределах необходимости, перестают определять собою духовный склад пролетариата, способы его мышления.

— Насколько широкие коллективы товарищеского сотрудничества создаются в современном обществе?

— Непосредственное объединение—в одном предприятии—с ростом концентрации капитала доходит уже теперь часто до тысяч, иногда до десятков тысяч людей. Но рамки коллектива отнюдь не сводятся к отдельному предприятию.

Рабочая сила при капитализме становится подвижной, человеческий материал предприятий текучим. Рабочий рынок то суживается, выбрасывая из фабрик и заводов тысячи ненужных ему рук, то расширяется, поглощая те же и другие тысячи. Классовая борьба с ее стачками и локаутами порождает такие же перемещения. Человек работает сегодня с одними, завтра с другими товарищами, часто даже вчера в одной, завтра в другой трудовой специальности: однородность работ, развиваемая машинным производством, позволяет переходить от одного дела к дру-

тому после обучения, во много раз более короткого, чем это было раньше, когда ученичество в ремесле продолжалось по нескольку лет.

При такой подвижности труда каждый рабочий становится возможным сотрудником для каждого другого. Классовая борьба дополняет эту связь и закрепляет ее, на деле обнаруживая общность экономического положения всех работников, общность их интересов. Коллектив расширяется до пределов рабочего класса, разрывая не только границы технических специальностей и отраслей, но даже границы наций и государств: в пределах одного класса он стремится стать мировым.

Этот характер рабочего коллектива наметился уже давно. Но степень его организованности в различных частях весьма различна, и в его целом пока еще слаба. С прогрессом жизни она непрерывно возрастает; технические и экономические силы капитализма неуклонно формируют мировой товарищеский коллектив.

Мировая война могла лишь временно пошатнуть связь этого коллектива; его новое сплочение началось еще до ее конца, и есть все основания ожидать, что та подавляюще-дорогая цена, в которую обошлось рабочему классу его военное раз'единение, сделает это сплочение еще более прочным и глубоким, чем то, которое существовало до войны.

b) Общие черты идеологий коллективизма.

— Какие черты мышления необходимо вытекают из выясненных нами технических и экономических условий?

— Вытекает ряд тенденций мышления, из которых основными можно считать следующие:

1) Разрушение иллюзий индивидуализма: там, где буржуазное сознание ставило личность, как самостоятельный центр интересов, стремлений, познания,

действия, новое сознание приучается ставить группу, организацию, класс, вообще коллектив. Это—коренная перемена точки зрения.

2) Разрушение отвлеченного фетишизма, который, мы знаем, необходимо связан с индивидуализмом, как его дополнение. Отвлеченный фетишизм силы общественные принимает за независимые от людей, напр., ценность, которая есть социально-трудовое отношение,—за свойство товара, нравственный долг, который есть социально-организационная форма,—за абсолютный, надмировой закон, и т. п. Новое сознание раскрывает один за другим все подобные фетиши, находит их действительный, социальный смысл, а вместе с тем их только историческое, преходящее значение.

3) Разрушение остатков фетишизма авторитарного. Мы видели, что буржуазное сознание не может покончить с ними, потому что буржуазный мир не может, по своей коренной неорганизованности, обойтись без авторитарного способа организации. Товарищеское сотрудничество само имеет организованный характер; в нем организаторская и исполнительская функции не раз'единяются, воплощаясь в отдельных личностях, а сближаются и стремятся к слиянию в коллективе. Поэтому оно не только противоположно и враждебно авторитаризму, и в практике, и в мышлении, но также способно вполне без него обходиться в своем полном развитии.

4) Разрушение остатков статик. В буржуазном обществе она сохраняется по своей неразрывной связи с авторитарными элементами, особенно религиозными. В эпоху упадка буржуазных классов она усиливается, как усиливаются в них и авторитарные стремления. Задачей этих классов становится удержание старого строя, остановка движения, ведущего к новому. Понятно, что в их мышлении об обществе, о социальных вопросах, идея неподвижного, неизменного, т.-е. статика, находит вновь себе место. Их мышление перестраивается

сообразно желаниям; стараются доказать, что внутри общественная борьба, классы, подчинение и т. д. — вечны, неизменно необходимы, что без них невозможен прогресс жизни, и т. под. Для нового коллектива задачей является как раз наиболее глубокое и полное изменение общественных форм; понятно, что тут для представления о неизменном и вечном никакой почвы не оказывается.

— До конца ли идет развитие этих общих тенденций в классовой идеологии пролетариата при капитализме?

— Нет. В капитализме есть много условий, стесняющих и задерживающих идеологическое развитие рабочего класса. Поэтому в его мышлении должно сохраняться много элементов старых культур, индивидуалистической и авторитарной, и полного их исчезновения, при отсутствии материальной свободы культурного прогресса для пролетариата, ожидать нельзя. В пределах же капитализма материальная свобода неосуществима: ее исключают нужда, необеспеченность, принудительно-долгий рабочий день, невозможность выбора работы по призванию, и т. под.

Рабочий класс происходит из мелкой буржуазии, крестьянской и ремесленной, и на первых порах вносит весь ее прежний духовный склад в свою новую жизнь. Затем он подвергается сильному культурному влиянию крупной буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые руководят им в производстве; подчиняясь их авторитету, рабочий класс невольно усваивает во многом их взгляды, их точку зрения. Особенно сильно сказалось это на пролетариате Англии, который всего дольше находился под воспитательным действием буржуазной культуры: Англия пережила мануфактурный период — больше двух веков, тогда как другие страны переживали его гораздо короче, либо совсем миновали, выступив много позже на путь капитализма, когда уже была выработана техника машинного производства; а в течение мануфактурного периода классовой организации пролетариата не существо-

вало. И несмотря на экономически-передовое положение Англии в мире, несмотря на высокий уровень общей интеллигентности английского рабочего и огромную энергию, обнаруженную им за последнее столетие в классовой борьбе, его культурная жизнь включает в себе массу остатков индивидуализма и авторитаризма, которые теперь устраняются с огромным трудом и колебаниями. Там высоко стоит до сих пор религиозность, в правовом сознании сильны еще идеи буржуазного либерализма, в нравственном—мещанские идеалы, особенно по отношению к семье, к подчинению жены и детей, нерушимой святости брака, и т. под. В профессиональных организациях—трэд-юнионах—самое объединение большей частью еще понимается, как союз личностей, совместными действиями осуществляющих свои личные интересы; это понимание—вполне индивидуалистическое, оно свойственно союзам мелко-буржуазным и буржуазным (старые цехи, крестьянско-мещанские потребительные, ссудо-сберегательные общества, акционерные компании, синдикаты, тресты). Для нового сознания цель организации—развитие жизни и сил целого, коллектива, а не личностей, как отдельных, независимых единиц.

Такая же своеобразная отсталость при высокой культурности характеризует и пролетариат американский, по своему происхождению—ветвь английского. Обычно отсталость эта приписывается сравнительному благосостоянию того и другого за прошлое столетие. Но благоприятные условия труда сами по себе не порождают идеологической отсталости, — они могут только способствовать ее поддержанию, когда она есть; иначе вся борьба пролетариата за заработную плату, рабочий день и пр. вела бы к замедлению и остановке его идеологического развития. Ухудшение условий труда в Англии и в Америке дало толчок движению в сторону коллективизма, но не потому, чтобы само в себе заключало коллективизм, а потому, что разрушительно подействовало на привычные индивидуалистические и религиозные иллюзии.

Пролетариат других стран, будучи по уровню жизни и по степени интеллигентности большей частью ниже английского и американского, должен больше их учиться, но в меньших размерах переучиваться. Во всяком случае, теперь во всех капиталистических странах процесс выработки форм нового сознания и разрушения старого идет среди рабочего класса быстро и интенсивно. Но переход от одной культуры к другой, иной по самому типу, есть гигантская перестройка; он вполне наметился и определен среди господствующего смешения их элементов, но завершится он лишь тогда, когда все необходимые для него силы будут экономически освобождены.

— Если основа индивидуализма есть рынок с его борьбою, то как может освободиться от индивидуализма пролетарское сознание, когда пролетарий связан с рынком и как продавец рабочей силы, и как покупатель товаров? И если основа авторитаризма лежит во власти-подчинении, то не должен ли он нерушимо поддерживаться тем, что весь труд работника проходит в подчинении власти предпринимателя и его служащих?

— Рабочий и остается индивидуалистом, пока он на рынке выступает индивидуально, как всякий обыкновенный продавец-покупатель в меновом обществе. Но на почве трудового объединения и классовой борьбы происходит превращение главного для рабочих менового акта—продажи рабочей силы—в новую форму: переход от индивидуального к коллективному договору с капиталистами, результат стачечного движения, и затем профессиональной организации рабочих. В коллективном договоре о найме рабочий в действительности не индивидуальный мелкий продавец своего товара—трудовой силы, а член борющегося коллектива, и рынок уже не может больше развивать в нем иллюзий индивидуализма.

Как покупатель жизненных средств, рабочий и тогда еще может подвергаться влиянию рынка. Но это частичное влияние, в свою очередь, подрывается организационным процессом; воспитываясь на единении, общей борьбе, коллективном договоре, пролетарий стремится и как покупатель действовать сообща: развивается организация „потребительных обществ“, так называемое кооперативное движение.

Таким образом, профессиональная и кооперативная организация не только экономически выгодны рабочему классу в отстаивании его материальных интересов: они имеют вместе с тем огромное идеологически-воспитательное значение, освобождая его от индивидуальной борьбы рынка, порождающей иллюзии буржуазного сознания.

Что касается связи подчинения между рабочим и теми, кому он подвластен в производстве, то она, конечно, воспитывала в нем авторитарное мышление, пока он просто принимал ее, как нечто естественное и необходимое, пока отношения на фабрике были, как принято говорить, „патриархальными“. Но когда рабочие борются против этих отношений, когда их подчинение практически выступает как вынужденное, и власть, над ним стоящая, как другой лагерь, тогда авторитарная связь теряет свою силу над их мышлением, потому что теряет характер живой связи, настоящего сотрудничества: то, против чего люди борются, воспитательного влияния уже иметь не может. Скорее даже напротив: вынужденность подчинения подрывает авторитарный дух. Так когда-то в буржуазии власть феодального сословия, против которой она боролась, только обостряла дух индивидуализма, жажду освобождения личности. Для пролетариата результат тот же, с той разницей, что вместо индивидуализма буржуазии против авторитарности поднимается коллективизм, жажда освобождения классового и с ним общечеловеческого.